

КОМАРОВО В 40-Х ГОДАХ.

К 1939 году в поселке Келломяки, бывшем тогда территорией Финляндии, насчитывалось 167 семей. Особая атмосфера объединяла здесь эмигрантов из России, коренных жителей и финнов, приезжавших сюда на летний отдых. Но приближались иные времена.

В середине октября 1939 года население было эвакуировано. Множество дач было разобрано и перевезено в Финляндию. 30 ноября 1939 года — началась Зимняя война. Части 70-й стрелковой дивизии перешли советско-финскую границу в районе Белоострова. В этот же день Келломяки было сдано. В поселке остался только семидесятилетний хозяин единственного в поселке сада, Ян Сереныш с дочерью. Вероятно, хотел дожить свою жизнь в этих местах.

13 марта 1940 года - война окончилась. Оказавшийся в глубоком тылу, поселок Келломяки до окончания войны оставался закрытой зоной.

А летом 1940 года сюда прибыли первые советские переселенцы.

Тогда же Ольга Берггольц написала стихотворение «Финляндия», в котором выразила свое впечатление от увиденного здесь после войны:

*О, друг, я не думала, что тишина
Страшнее всего,
что оставит война.*

*Здесь люди, рыча,
извиваясь, ползли,
Здесь пенилась кровь
на вершок от земли...*

*Здесь тихо, так тихо,
что мнится - вовек*

*Сюда не придет
ни один человек,*

*Ни пахарь, ни плотник
и ни садовод -*

*Никто никогда,
никогда не придет.*

*Безмерно живущему
мертвые мстят:*

*Всё знают, всё помнят,
а сами молчат.*

Критик Л. Левин вспоминал в своей книге о писателе Юрии Германе:

«К тому времени некоторые писатели-ленинградцы поселились в ме-

стечке Келломяки (сорок четыре километра по железной дороге Ленинград-Выборг)...

Герману предоставили в Келломяках дачу, куда он тотчас перебрался и где провел зиму 1940-1941 годов. Я часто гостил у него...

Весной 1941 года неподалеку от Германа - вдвоем в одной даче - поселились Штейн и Гринберг. У них нашлась маленькая комната и для меня.

Жили мы весело и дружно. У всех дела шли на лад. Мы были еще молоды, увлечены работой, много и с удовольствием писали».

На Большом проспекте, 18 в бывшем финском доме предоставили дачу семьям композитора Дмитрия Шостаковича и кинооператора Андрея Москвина. Жена Москвина кинорежиссер Надежда Кошеверова вспоминала, что Шостаковичи занимали в этом доме второй этаж, а она с мужем первый.

Так, мирно и весело дожили до лета 1941 года. Л. Левин рассказывает, как началось для него и его друзей утро 22 июня 1941 года:

«Утром, встав довольно поздно, я обнаружил, что Александр Петрович (Штейн - прим. автора) сидел в саду и что-то читал. Вдруг на втором этаже открылось окно и раздался потрясенный голос Людмилы Яковлевны

(жена Штейна - прим. ред.): Идите все сюда! Война!

Вскоре пришли жившие неподалеку Капица, Лавренев, Зонин. Потрясенные и оглушенные страшным известием, мы не сразу подумали, каково сейчас Герману в Риге, но, когда пришла его жена, некоторое время говорили только об этом.

Она попросила меня не оставлять ее сегодня одну. Ее одолевал страх, как бы белофинны нынче же ночью не бросились отвоевывать свои старые места - в том числе Келломяки - и не перерезали бы тех, кто здесь так уютно расположился.

Под вечер, когда я пришел, она постелила мне на втором этаже, в кабинете Германа.

Спать было, конечно, невозможно. Этой же ночью немецкие самолеты напали на Кронштадт. Слышались отдаленные глухие взрывы, небо озарялось яркими вспышками, доносились частая стрельба зениток.

Дача Германа стояла неподалеку от железной дороги на Морской улице. Всю ночь мимо Келломяк на огромной скорости мчались к Выборгу тяжелые поезда. Едва успевал затихнуть гул одного, как уже надвигался второй, затем третий, четвертый, пятый - и так до самого утра.

Уже в середине дня Герман вернулся.

Дача Ю.Германа

Дача Д.Д.Шостаковича

В тот же день, 23 июня, все мы в набитом до отказа дачном поезде, захватив самое необходимое, кое-как добрались до Ленинграда».

Актриса Нина Черкасова, жена будущего жителя Комарова Н.К. Черкасова, знаменитого исполнителя ролей Александра Невского и Ивана Грозного, в эту пору находилась неподалеку, на даче в Куоккала. Она пишет:

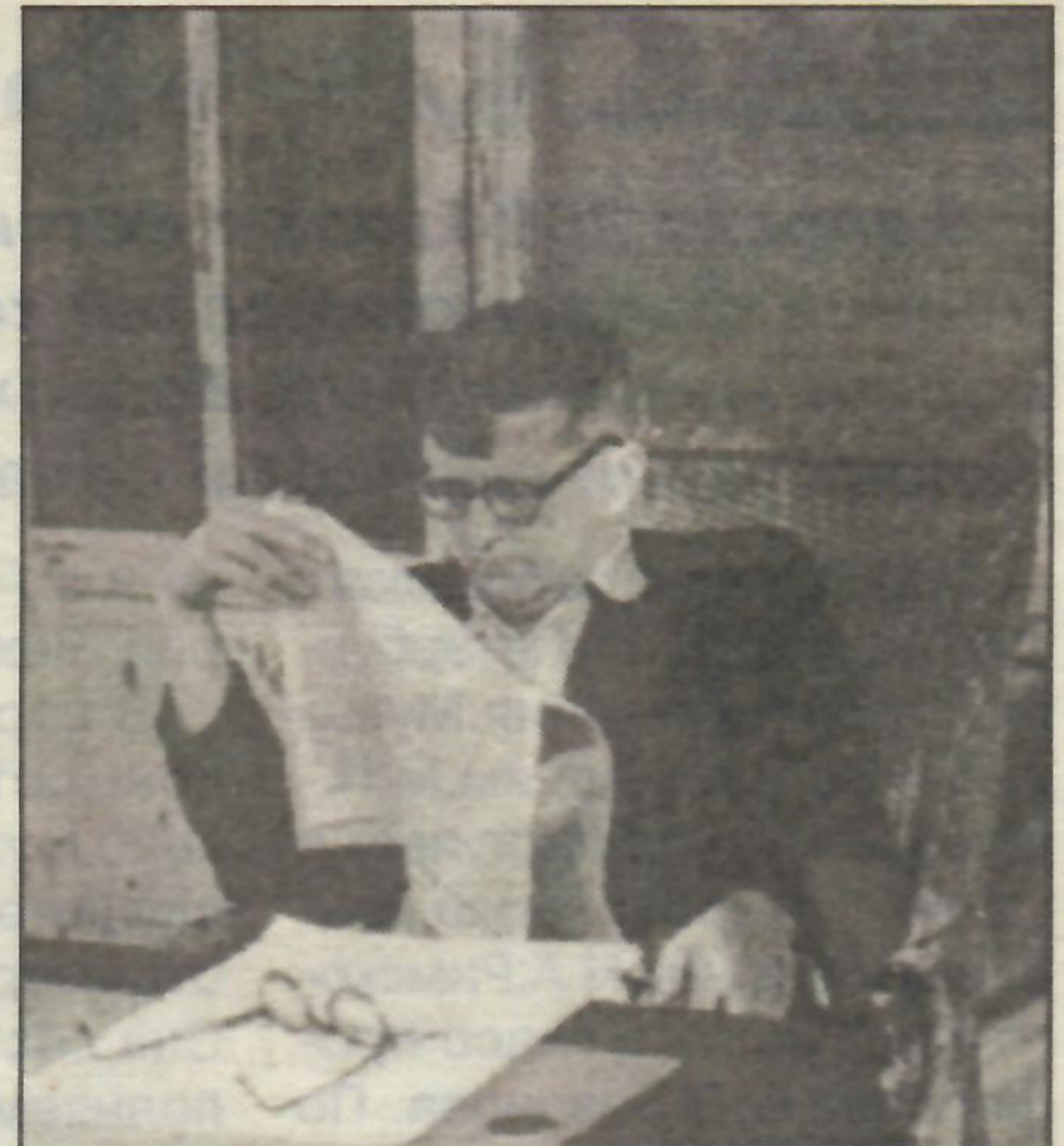
«Дачники разбежались, магазины ломились от продуктов, так что мы - две кормящие матери с детьми (к нам на дачу переехала моя приятельница), моя старая няня и очередная собака были всем обеспечены.

Очень скоро стала приближаться война. То мы находили в саду какие-то парашюты, после чего следовало прочесывание нашего сада и осмотр дома пограничниками, то слышали короткую перестрелку.

Однажды утром мы с моей приятельницей пошли с ведрами за водой. Колодец был на другом участке, мы шли, весело напевая. Вдруг она крепко сжала мою руку, заставив меня остановиться, и прошептала: «Тише!» Она смотрела куда-то вниз, я тоже стала смотреть на траву и вдруг увидела глаза, серые и внимательные. Человек полз по земле в маскировочной одежде. Увидев нас, он замер. Прошли секунды, казавшиеся часами. Я думала: «Как же теперь буду кормить ребенка?» Но в задние этого человека, наверное, не

входило уничтожение мирного населения. Сначала он пятился ползком назад, не сводя с нас глаз, потом, так же ползком, свернул в сторону. Мы понимали, что должны дать ему возможность уйти, иначе нам будут плохо. Когда он исчез, мы довольно долго шепотом решали, что делать, а потом бросили ведра и кинулись наутек. Вечером, несмотря на ясные белые ночи, нам было жутко. Воду для хозяйства мы стали брать с берега, а питьевую приносила нам обрусевшая финка, никого не боявшаяся. Потом где-то недалеко от нас полетели снаряды. Наконец появился Черкасов, абсолютно изменившийся, в военной форме, и забрал меня в город. По дороге мы увидели разбитую снарядом машину. Через некоторое время откуда-то начали стрелять, но наша машина была очень быстроходная, и мы благополучно миновали опасную зону».

С октября 1941 по июнь 1944 поселок был занят финской армией. Предоставим слово финскому мемуаристу Нестори Паккари: «23.09.1941 нас перевезли на автомобилях в Келломаки и поселили на верхнем этаже пустой дачи - нижний достался часовому. Мы оказались на дорожных работах. Их надо было вести на открытых местах в пределах досягаемости артиллерийского огня. Нельзя было даже отойти в укрытие, когда здесь оказывались соседские истребители. К нашему счастью, боевые

Дмитрий Дмитриевич Шостакович на веранде

действия советской армии на этой части фронта были незначительны, артиллерийский обстрел и бомбардировки тыла производились редко.

От впечатлений Келломаки осталась в памяти артиллерийская стрельба в первую ночь, когда мы, непривычные к фронтовой обстановке, ожидали, что наш дом вот-вот развалится. Но стрельба велась с финских батарей рядом с тем местом, где мы жили, и, когда сосед не ответил на огонь, мы отделались лишь испугом.

Осенними ночами в Келломаки мы часто сидели у чердачных окон, глядя на вспыхивающую в небе над Кронштадтом и Ленинградом «иллюминацию», которая, при всех своих ужасах, поражала величиим. Немецкие эскадрильи из Эстонии и финские самолеты с нашей стороны летали бомбардировать Ленинград. Они встречали плотную завесу противовоздушной обороны, где снаряды рвались на большой площади в трех слоях. Разрывы тысяч снарядов продолжались иногда часами. Этому аккомпанировал непрерывный грохот с укреплений Кронштадта, с советского флота и из Ленинграда. Многие бомбардировщики, дымясь, падали в Финский залив».

10 июня 1944 года 109-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Н.А. Трушкина заняла железнодорожную станцию Келломаки, вытеснив финские войска.

Так началась мирная жизнь поселка Комарово.

Ирина Снеговая